

ББК 63.3(2)535-422

М.А. Коломейцева

Участие донского крестьянства в создании Всероссийского крестьянского союза

Ключевые слова: крестьянское движение; «приговорная кампания»; Всероссийский крестьянский союз; Область войска Донского.

Keywords: Don peasants, «sentence company», protest, All-Russian Peasants' Union.

Положение крестьянского населения Дона в начале XX в. было крайне тяжелым. Составляя около 28% всего населения края [1, с. 7], крестьянство по сути оставалось самой незащищенной категорией. Полученный по реформе 1861 г. надел в 3–4 десятины земли не мог обеспечить даже минимума жизненных потребностей. Как писал А. Греков, «...увеличенный даже вдвое... надел... представлял бы собой лишь собственно кормовую площадь в узком смысле, когда весь продукт поглощается самим потребителем» [2, с. 18]. Рост арендных цен, многочисленные поборы и повинности, равно как и отсутствие прав, необходимой инфраструктуры (больниц, хлебных магазинов по типу существовавших в казачьих станицах, достаточного количества образовательных учреждений и т.д.), создавали известные препятствия для поступательного развития крестьянского сообщества, являясь причинами роста крестьянского недовольства.

Тяжелое положение донского крестьянства яснее всего характеризуется на примере прошения крестьян Мартыновской волости войсковому атаману: «Из нас, просителей, некоторые имеют земельные душевые наделы, а большей частью совсем не имеют земли, поэтому занимаемся сельским хозяйством на откупных участках войсковой земли. Участки эти войсковой земли снимают вообще богатые люди, а затем заселяют скопщиков, и в последнее время эксплуатирование арендаторами поселян дошло до разорения сих последних, так как взимают скопщину с каждого вязаного хлеба третью часть, а розвязь берут пополам, еще хлеб этот нужно свезти арендатору на указанное место. А равно взимают за пастьбу скота 2 р. 50 коп., овцы – 35 коп. и за усадьбу от 5 до 8 руб. А посему при описанных условиях продолжать свое занятие совершенно невозможно» [3, л. 5]. Безусловно, подобные факты усиливали непрекращающиеся крестьянские волнения на Дону.

Весной 1905 г. на Дону крестьянское движение расширилось, быстро охватив не только собственно крестьянские округа – Ростовский, Донецкий, Таганрогский, но к концу года и большинство районов области.

Наряду с такими формами выражения протеста, как «разборка» или полный разгром помещичьих

экономий и «латифундий» крупных арендаторов и землевладельцев, имели место увоз хлеба, сена, потравы угодий, захват, размежевание и запашка частновладельческой земли, выступления против представителей власти; наибольшее распространение получило издание многочисленных приговоров, петиций, в которых крестьянство выражало свои требования. Приговоры сельских сходов издавна являлись основным материалом, выражавшим крестьянскую волю. Подписанный членами того или иного общества, он служил официальным документом, рассматриваемым органами власти и управления.

В ходе первой российской революции на волне общественного подъема «приговорное» дело достигло большого размаха. Приговорная кампания стала выражением не просто крестьянского недовольства, но явилась ярким свидетельством роста политического самосознания крестьянских масс, готовых к созданию собственных программ преобразований.

Начало приговорной кампании связано с царским указом 18 февраля 1905 г., разрешавшим подавать петиции на высочайшее имя по вопросам, касающимся «усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния».

Принятый под нажимом либеральной интеллигенции указ был направлен на сдерживание крестьянского движения в рамках мирных форм. В идеале предполагалось построение некоего диалога между властью и крестьянской массой, прежде всего в лице земских учреждений.

Однако конструктивного диалога не получилось. Во-первых, крестьянские сходы и принимаемые на них приговоры были направлены на принятие конкретных решений и содержали радикальные требования, полностью или, по крайней мере, основательно различавшиеся с предполагаемым курсом правительства. Отсюда разнились и цели «участников диалога». Крестьянство не могло довольствоваться простым составлением проектов ни в силу своей ментальности, ни по причине радикальности требований, не предусматривающих торга за меньшие или большие права для бесправного и в основной массе бедствующего крестьянского населения. Так, в июле 1905 г. в станице Калининской был принят приговор, в котором крестьяне требовали передачи им помещичьих земель. Крестьяне утверждали: «Если зимой земли не отдадут нам – весной сами возьмем. Покупок никаких у помещиков не производить. Подати не платить. Полицию

упразднить. Арестовать все начальство, отправить в самодержавную Турцию...» [4, с.56]. Подобного рода приговоры не могли рассматриваться как проект, обсуждаемый с администрацией.

Во-вторых, посредниками между крестьянской массой и центральными властями должны были выступить местная администрация, земство, мировые посредники. Однако с развитием широкого крестьянского движения все более учащаются случаи неповиновения и даже прямого столкновения крестьянства с представителями власти на местах. Крестьянские сходы собирались чаще стихийно, по инициативе самих крестьян, и являлись прямым откликом на неправомерные действия властей [5, с. 2690, 2694].

В-третьих, приговоры, как правило, создавались по итогам крестьянских выступлений. На определенном этапе развития конфликта, нередко после череды поджогов, потрав и т.п., крестьянский сход постановлял то или иное решение, как бы узаконивая свои действия. И, напротив, нередко крестьянство, не разбираясь в нюансах приговорной кампании, считало сам приговор документом, подтверждающим и разрешающим свободу действий.

Уже спустя полгода после указа 18 февраля 1905 г. приговорная кампания, направленная на организацию и упорядочение крестьянского движения, переклестнула отведенные ей рамки. В повсеместно издававшихся приговорах крестьяне требовали понижения арендной платы, упразднения податей и повинностей, предоставления крестьянам политических прав, равного суда и т.д. В отдельных местностях области крестьяне стали настолько быстро приводить приговоры в исполнение, что «...положение некоторых помещиков... из дачного превратилось в крепостное» [4, с. 51].

Вместе с тем именно идея выработки собственно крестьянской программы преобразований на основе требований, излагаемых в крестьянских приговорах, стала отправным пунктом в создании особого представительного органа – Всероссийского крестьянского союза.

На фоне разгоравшегося общественного движения в стране, сопровождавшегося активизацией деятельности различных общественно-политических сил, появлением новых союзов, в том числе на местах, создавались наиболее благоприятные условия для образования подобного союза. Не удивительно также, что идея создания самостоятельной крестьянской организации назрела в центральных областях, а именно в Москве и близлежащих районах, где накал общественной борьбы ощущался особенно остро. Кроме того, примером для местного крестьянства служили рабочие заводы и фабрик промышленного по преимуществу региона, имевшие свои организации и союзы и ведущие активную борьбу за свои права.

В мае 1905 г. в Москве собралось несколько десятков представителей крестьянских сообществ

Московской губернии и ближайших к ней губерний. Собрание это носило стихийный характер и не выработало сколь-либо значительных программ, но приняло резолюцию о необходимости образовании Крестьянского союза в масштабах всего государства. На местах широко поддержали инициативу центральных губерний. И уже на I Учредительном съезде будущего союза, состоявшемся в начале августа 1905 г., присутствовало около 100 представителей 22 губерний. На II Крестьянском съезде (ноябрь 1905 г.) присутствовали представители от крестьян 27 губерний численностью около 200 человек [6, с. 137].

Социальный состав в подавляющем большинстве определялся представителями крестьянства, а также сочувствовавшей им либеральной интеллигенцией, в основном представителями земства.

Главными вопросами, обсуждавшимися на съезде, были вопрос о земле, народном управлении и образовании. Во-первых, критике подверглась существующая система управления [5, с. 2695]. Делегаты съезда выступили за учреждение народного представительства, избранного от губерний, уездов и округов путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Народное представительство должно было иметь форму постоянно действующего самостоятельного учреждения. Формирование органов местного самоуправления и суда также предполагалось на выборных началах, без различия пола и цензовых норм. Администрация и полиция должны назначаться органами самоуправления. Выдвигались требования свободы слова и печати, стачек, собраний и союзов, амнистии политических заключенных, участников аграрных беспорядков. Предусматривалось наделение широкими политическими правами женщин.

В экономическом отношении основными требованиями были отмена выкупных платежей и введение прямого подоходного налога. Единогласно было утверждено предложение уничтожения частной собственности на землю и экспроприация в пользу народа всех монастырских, церковных, удельных, кабинетских и государственных земель. Помещичьи земли подлежали конфискации; однако вызвал разногласия вопрос о необходимости уплаты выкупа за землю. Среди делегатов были как сторонники выкупа, так и его ярые противники [6, с. 138].

Разногласия по поводу необходимости уплаты выкупа свидетельствовали об активной позиции формирующейся крестьянской буржуазии – зажиточного и среднего крестьянства, резонно полагавших, что вслед за безвозмездной экспроприацией крупных помещичьих латифундий весьма вероятной являлась перспектива ликвидации земельной собственности вообще, в том числе и в отношении их самих.

Что касается собственно донского крестьянства, необходимо отметить его активное участие в создании и работе Союза. В области в мае 1905 г. было создано

его Донское отделение; на первом учредительном съезде Крестьянского союза в Москве присутствовали 12 делегатов от Донской области.

В организации самого Учредительного съезда большую роль сыграли выходцы с Дона братья В. и С. Мазуренко, последний являлся председателем съезда. Во время приговорной кампании братья Мазуренко вели активную социалистическую пропаганду среди крестьянства, став одними из лидеров крестьянского движения. Они, нередко по приглашению самих крестьян, принимали участие в сельских сходах, выработке крестьянских петиций, резолюций и приговоров. Местные власти неоднократно налагали официальный запрет на участие пропагандистов в сходах сельских обществ, характеризуя их как «сеятелей крамолы и врагов народа» [5, с. 2697–2698].

Руководители крестьянского движения Дона подчеркивали свое желание решить крестьянский вопрос «законодательным путем». В частности, позже один из руководителей Донского отделения ВКС В. Мазуренко во время судебного разбирательства писал, что он стремился содействовать «мирному и гуманному разрешению аграрного вопроса» [7, с. 81]. Выступая первым на Учредительном собрании ВКС в августе 1905 г., представитель Донской области подчеркивал необходимость использования легальных путей для пробуждения и направления крестьянского сознания [6, с. 137].

В качестве примера развития крестьянского движения на Дону был зачитан приговор сельского схода пос. Екатеринославского Криворожской волости, в котором причинами «бедности, невежества и угнетения» крестьянства признавались «малоземелье и ... высокая арендная плата...». Сход выступил за ликвидацию частной земельной собственности и передачу всех помещичьих, монастырских, церковных, государственных земель «в распоряжение всего народа» [8, с. 2]. Выдвигались требования создания органа народного представительства, обладающего правом самостоятельной законодательной деятельности на основе всеобщего голосования; свободы совести и слова, равноправия, амнистии политзаключенных, необходимости общего народного образования и т.д. Отдельными пунктами указывалось на необходимость замены косвенных налогов прямым подходящим налогом, отмены выкупных платежей. Подчеркивалось, что участники схода вступают в Общероссийский крестьянский союз в целях осуществления своих требований в законодательном порядке [8, с. 2].

Представители Донской области поддержали решение съезда об отмене частной собственности на землю. Однако следует признать, что характер земельных отношений на Дону не позволял однозначно решить вопрос с безвозмездной конфискацией всех владельческих земель без разбора.

Представители донского крестьянства в ВКС не могли не учитывать преимущественного права казачества на владение землей в области, равно как и интересов значительного числа крестьян, арендующих владельческие земли и купивших землю, например при содействии Крестьянского поземельного банка. Число последних было довольно значительным. В конце XIX – начале XX в. на Дону разгорелась самая настоящая пшеничная лихорадка. Рост спроса на донскую пшеницу, в том числе за границей, вызвал резкое увеличение посевных площадей. Богатые крестьяне и казаки, несмотря на постоянный рост цен на землю, стали приобретать при содействии банка огромные участки земли. Золотов и Хлыстов на основании данных «Статистики землевладения» приводят следующие цифры: к 1900 г. крестьянство Области войска Донского имело 590 тыс. дес. купленной земли [9, с. 20]. Фонд земель, приобретенных при помощи покупок, превысил фонд наделной земли (по реформе крестьяне получили чуть более 560 тыс. десятин. – М.К.). По сообщениям А. Грекова, земли – бывшие офицерские и чиновничьи участки – стали объектами «усиленной мобилизации, переходя сильными массами благодаря кредиту Крестьянского банка из рук владельцев в руки крестьян» [2, с. 17]. Не случайно тот же Греков, обращаясь к вопросу развития аграрных беспорядков в ОВД в 1905–1906 гг., оценивал крестьянство на Дону как «в массе довольно буржуазное» и обращал внимание на то, что некоторые представители донского крестьянства высказывались за выкуп, «боясь за свои купленные земли» [10, с. 88].

Активная помощь крестьян области рабочему движению, особенно в дни декабрьского вооруженного восстания в Ростове [11, л. 5; 12, л. 2], позволила представителям Дона выступить за поддержание союза с рабочим классом. Участники съезда неоднократно выступали с обращениями к рабочим с выражением горячей поддержки и призывом всячески содействовать делу борьбы за права и интересы народных масс [6, с. 140].

Подводя итоги, следует отметить, что сам факт попытки создания некоего консолидирующего и координирующего союза, способного к выработке – на уровне представительного органа и в законодательном порядке – собственно крестьянской программы преобразований и действий, свидетельствовал о более высоком уровне организации крестьянского движения, росте крестьянского самосознания, превращении крестьянства в политически организованную силу. Возможность создания подобной организации стала очевидной именно в период всеобщего общественного подъема, явилась логическим следствием начала демократических преобразований в стране 1905–1906 гг.

Библиографический список

1. Памятная книжка Области войска Донского на 1905 год. – Новочеркасск, 1905.
2. Греков, А. Очерки крестьянского землевладения и землепользования в Таганрогском округе / А. Греков // Сборник Области войска Донского статистического комитета. – Вып 2. – 1902.
3. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). – Ф. 213. – Оп. 1. – Д. 6399.
4. Греков, А.М. Приазовье и Дон (очерки общественной и экономической жизни края) / А.М. Греков. – СПб., 1912.
5. Корнилов, А. Фактические данные о настроениях крестьян / А. Корнилов // Право. – 1905. – №33.
6. Гармиза, В.В. Рост политического сознания русского крестьянства в период революции 1905–1907 годов. Всероссийский крестьянский союз. (Несколько полемических заметок) / В.В. Гармиза // История СССР. – 1986. – №6.
7. Семернин, П.В. 1905 год на Дону / П.В. Семернин. – 2-е изд. – Ростов-н/Д, 1945.
8. Приазовский край. – 1905. – №178.
9. Золотов, В.А. Аграрный вопрос на Дону в конце XIX – начале XX веков / В.А. Золотов, И.П. Хлыстов // Очерки экономического развития Дона. – Ростов-н/Д, 1960.
10. Греков, А.М. К истории земельного вопроса на Дону в связи с современным положением и решением его / А.М. Греков // Сборник Области войска Донского статистического комитета. – 1907. – Вып. 7.
11. ГАРО. – Ф. 98. – Оп. 1. – Д. 7411.
12. ГАРО. – Ф. 151. – Оп. 1. – Д. 2683.